

строительных работ и их приемки регулируется строительными нормами и правилами, например Положением «О порядке выдачи разрешительных документов на проектирование, строительство и иные изменения объектов недвижимости и порядке приемки в эксплуатацию завершенных строительством объектов в Кыргызской Республике» (утв. постановлением Правительства Кыргызской Республики от 30 мая 2008 года № 252).

Литература

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2002.
2. Верб С. А. Правовые формы отношений производственного кооперирования между строительными организациями // Правоведение. – 1965, № 2.
3. Гражданское право: Учебник. Издание третье, переработанное и дополненное / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: Проспект, 1998.
4. Законодательство о капитальном строительстве. Вып. 9. Ч. 2. – М., 1983.
5. Курс советского гражданского права. Отдельные виды обязательств. – М.: Юридическая литература, 1954.
6. Луць В. В. Хозяйственный договор и эффективность производства. – Львов, 1979.
7. Патушинский Б. А. Сдача-приемка по строительным и монтажным договорам // Арбитраж. – 1939, № 15-16.
8. Сборник образцов гражданско-правовых договоров (с комментариями) / Отв. ред. В. В. Залесский. – М.: Инфра-М, 1997.
9. Сиротина И. А. Подряд. – М., 1997.
10. Советское гражданское право. Часть 2. Учебник / Отв. ред. В. А. Рясенцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юридическая литература, 1987.
11. Строительство. Бухгалтерский учет. Налогообложение. Планирование и учет себестоимости. Лицензии. Торги и конкурсы. – М., 1996.

А. Д. Мурзакулова,

*преподаватель кафедры международных отношений,
Бишкекский гуманитарный университет*

Проблемы межпарламентских институтов и парламентаризма на пространстве СНГ

Развитие институтов межпарламентского взаимодействия на пространстве СНГ тесно связано с доминировавшей в 90-х годах прошлого века идеей либеральной демократии и установлением институтов, призванных ее обеспечивать. Наряду с принципом разделения властей, выборами и верховенством закона развитие парламентаризма является одним из индикаторов движения политической системы в направлении к демократическому управлению в целом. По сути, парламентское пред-

ставительство есть центральный элемент современной демократии (22). Благодаря своему статусу «избираемых» парламентарии являются ключевым связующим звеном между обществом и органами управления. Будучи проекцией общества на политику, они выступают в качестве важнейшего канала, через который общество реализует себя на институциональной арене демократии (5, с. 27). Однако, как показывает практика развития политических систем постсоветских государств, способы и принципы формирования парламентского представительства сделали из легислатуры слабое звено политической системы, в которой парламент не обрел идентичность самостоятельного института, и часто выступает в тандеме с институтом президента. Более того, призванная обеспечивать верховенство права, легислатура, в некоторых случаях, становится инфраструктурой, поддерживающей воспроизводство политического режима через законодательное поощрение.

Современные исследования в области изучения динамики постсоветских политических систем перешли от господствовавшей в 90-х годах теории транзита к парадигме соревновательного авторитаризма (7). В центре внимания, таким образом, оказывается совокупность институтов, «правил игры», которые накладывают ограничения и создают стимулы для действий политических акторов. Поскольку проблемы парламентаризма тесно связаны с трансформацией политической системы в целом, во многом они определяются соотношением формальных и неформальных институтов. Здесь важны формы господства, которые на постсоветском пространстве можно классифицировать по Веберу как традиционные (4). То есть, когда неформальное «наследие прошлого» закрепляется в культуре общества и тем самым задает траекторию развития его институциональной среды. Именно эта «предзаданность пути» развития ставит пределы будущим институциональным изменениям (11) и способствует процветанию неформальных институтов, которые подрывают или «оккупируют» институты формальные (6, с. 7). Хотя преобладание неформальных институтов и является атрибутом слабых государств, само по себе укрепление административного потенциала государства не влечет за собой «по умолчанию» верховенства права. Наоборот, есть немало аргументов, в пользу того, что **сильное государство может стать ничуть не меньшим препятствием для верховенства права, нежели слабое, если его административный потенциал сочетается с низким уровнем автономии**. В этом случае формальные институты оказываются не более чем орудием в руках правительства, инструментом селективного поощрения лояльных и наказания нелояльных (6, с. 10).

Таким образом, эффективное развитие парламентаризма тесно связано с верховенством права, к важнейшим критериям которого относятся:

- прозрачность и относительная стабильность законов, отсутствие у них обратной силы;
- открытость, устойчивость, ясность и универсальность правил, на основе которых принимаются законы;
- независимость судебной системы;
- возможность отмены в судебном порядке законов, не отвечающих правовому принципу;
- доступность судов;
- отсутствие у правоохранительных органов полномочий, позволяющих им извращать законы (23, с. 317).

Перечисление этих положений дает понимание того, что верховенство права невозможно без преобладания формальных институтов, призванных воплощать законодательную власть. К сожалению, в отношении стран постсоветского пространства общим местом остается «дефицит» права и «имитационный характер» законодательной ветви власти. В этой ситуации, которая является общей как для больших государств СНГ, таких как Россия (5; 19; 6), так и для малых, как Кыргызстан (9; 8; 16), на пространстве СНГ формируются и функционируют институты межпарламентского взаимодействия, призванные развивать парламентаризм и формировать общие нормативные основания государств-участников. Какие направления они сопровождают и как влияют на развитие парламентаризма на пространстве СНГ?

При рассмотрении институтов межпарламентского сотрудничества необходимо определить методологические основы данной статьи, которые базируются на неoinституциональной теории, согласно основным принципам которой – «институты... создаются... для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» (11, с. 33). Следует отметить, что парламент и электоральные институты в целом относятся к числу наиболее важных «правил игры», структурирующих политическое взаимодействие (11; 17). Согласно неoinституциональной концепции рационального выбора, акторы создают институты, чтобы уменьшить неопределенность и снизить издержки. Следовательно, институты – это своеобразные стратегии акторов в том или ином политическом взаимодействии.

Актуальность рассмотрения межпарламентских институтов СНГ посредством неoinституциональной теории продиктована, прежде всего, пересмотром подходов относительно создания и функционирования СНГ, которые находят сегодня новые способы понимания. Согласно доминирующей версии СНГ призвано формировать интеграционные импульсы по широкому спектру: от политики безопасности до сохранения «единого духовного пространства Содружества» (13; 3). Таким образом, СНГ представляется как формат интеграции. Согласно другой точки зрения, Содружество – это формат дезинтеграции или упорядоченного распада постимперского пространства, поскольку все элементы сохраняющегося единства, которые есть на этом пространстве, порождены «наследием прошлого», принадлежностью всех стран СНГ к СССР. Таким образом, СНГ – это некоторый механизм, сохраняющий аморфное единство постимперского пространства. Следовательно, по своей конфигурации, как и по способу институционализации, СНГ может быть лишь российскоцентричным и усилия, направленные на его интеграцию, необходимо рассматривать как борьбу за воссоздание российскоцентричного пространства (21). В этом контексте **СНГ и институты, созданные на его базе, – это структуры, призванные сохранять контуры российскоцентричного пространства в условиях его распада.**

По мере государственного строительства и оформления достаточно жизнеспособных государственных систем, основное, что сохраняет единство пространства СНГ, – это политические режимы. Все режимы стран СНГ (кроме Молдовы), в общем, однотипны, это режимы имитационной демократии, которые используют демократическую форму при ориентации режимов на Запад, но его институциональные элементы имеют достаточно жесткие пределы (21). Эти пределы представлены и в границах парламентаризма, который можно определить как адаптивный в условиях

лимитированного политического поля. В этом смысле «наследие прошлого» выступает элементом изначальной структуры политических возможностей, то есть внешних структурных изменений (7, с. 83).

При обращении к раннему периоду (начало 90-х годов XX в.) можно отметить, что интересы акторов, глав новых государств были связаны с конструированием институтов, которые легитимизировали режим и обеспечивали сохранение существующей власти. В этот период главная роль при выборе институтов принадлежала идеологиям. И поскольку доминирующей идеологией 90-х была либеральная демократия, с четким принципом разделения властей, то именно она определяла направленность институциональных изменений в постсоветской политике. В том числе и при выборе институтов легитимации власти. Наряду с этим «предпочтение демократии» необходимо рассматривать не столько «идеологическими установками», сколько убеждениями в том, что демократия обеспечивает больший контроль над ресурсами, нежели любой иной режим (7, с. 82).

В структуре СНГ межпарламентское сотрудничество обеспечивается институтами Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (МПА СНГ), Парламентскими Ассамблеями в структурах ОДКБ и ЕврАзЭС. Принято различать уровень институционализации любой организации по четырем параметрам:

- 1) адаптивностью (способностью приспосабливаться к окружающей среде);
- 2) автономностью (от других политических институтов);
- 3) сложностью (наличием разветвленной и дифференцированной организационной структуры);
- 4) сплоченностью (слаженностью работы элементов).

Согласно приведенной классификации Межпарламентские Ассамблеи ОДКБ и ЕврАзЭС слабо институционализированны и еще не обрели способность формировать «правила» в виду ряда ограничений организационного и институционального плана. На этом фоне Межпарламентская Ассамблея СНГ (МПА СНГ) имеет ряд преимуществ.

Во-первых, ресурс времени – эта первая межпарламентская структура на пространстве СНГ (МПА СНГ учреждена на базе Соглашения от 27 марта 1992 года).

Во-вторых, согласно нормативному уровню МПА СНГ обладает правосубъектностью и является единственной структурой в рамках СНГ, способной заключать договора и соглашения с другими организациями согласно ст. 12 Конвенции МПА СНГ (это право не признал за МПА СНГ только Парламент Азербайджана при ратификации Конвенции).

В-третьих, МПА СНГ напрямую занимается формированием единых подходов к «правилам» посредством механизма модельного законодательства и института наблюдателей на выборах. Таким образом, МПА СНГ является основным институтом межпарламентского взаимодействия и во многом может служить индикатором развития парламентаризма в регионе.

Согласно Конвенции о МПА СНГ организация является межгосударственным органом СНГ, состоящим из парламентских делегаций государств-участников, Совета Ассамблеи, постоянных и временных комиссий, а также Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи (Конвенция, 1995). В сферу компетенции МПА СНГ входят: обсуждение вопросов сотрудничества государств-участников по широкой повестке,

подготовка рекомендаций Советам глав государств и правительств, а также другим органам СНГ, разработка модельных законодательных актов и представление их в национальных парламентах государств-участников, разработка рекомендаций по синхронизации процедур ратификации парламентами договоров, заключенных в рамках СНГ. Наряду с этим, неоднократно подчеркивалась роль Ассамблеи в развитии парламентаризма и парламентской демократии государств-участников МПА. Следует отметить, что МПА СНГ по своему институциональному устройству имеет ряд сходств с другими международными межпарламентскими ассамблеями как ПАСЕ ПА ОБСЕ, но по содержанию своей основной деятельности – это модельное законодательство, которое не имеет прямых аналогов в международной практике (2).

Институциональное строительство МПА СНГ происходило в тесной взаимосвязи с темпами развития СНГ в целом. Созданная как площадка взаимодействия парламентариев новых государств на первом этапе, Ассамблея сопровождала развитие нормативно-правового измерения СНГ и провозглашала общепринятые положения верховенства права. На основе понимания, что конфигурация СНГ может меняться и с оформлением разноформатных векторов развития внутри пространства, перед организацией возникла потребность более эффективного позиционирования на международной арене и прежде всего среди институтов, оценивающих состояние демократии в новых государствах. В Ассамблее происходит усиление формата работы по оценке и мониторингу выборов посредством структурного подразделения Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ). За период своей деятельности, наблюдатели МПА СНГ участвовали в большинстве избирательных кампаний различного уровня. Наряду с этим, часто становились единственными международными наблюдателями в таких странах как Россия (во время президентских выборов 2007 г.), Туркменистан. Развитие данного направления в деятельности Ассамблеи можно рассматривать через позиционирование МПА СНГ в качестве международного института легитимации выборов на постсоветском пространстве. Примечательно, что одним из первых директивных документов, принятых МПА, стала Конвенция «О стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ» (2001 г.), которая призвана стать альтернативными БДИЧ ОБСЕ стандартами оценки и мониторинга электорального процесса.

Относительно рассмотрения межпарламентских институтов необходимо отметить, что на начальном этапе институционального строительства, идея создания межпарламентских ассамблей строилась вокруг концепта парламентской демократии, с одной стороны, и удержания единого нормативного пространства СНГ по инерции «наследия прошлого», с другой. Однако к первой половине 90-х годов стало очевидным, что ассамблея, как институт, может стать своеобразной адаптивной моделью парламентской демократии для постсоветских государств. Особое место в формировании такой модели, по-видимому, занимает модель российского парламентаризма, значение которого превалирует на уровне «наследия прошлого». Оно артикулируется в риторике совместного парламентского опыта, как в рамках первой государственной Думы России, в работе которой принимали участие представители разных народов империи, так и парламентаризма периода советской России (14; 15; 18).

При рассмотрении институтов межпарламентского сотрудничества, наряду с перечисленным, также важно отметить, что институты имеют дистрибутивные последствия, то есть дают преимущества одним акторам по сравнению с другими, причем они ограничивают и «доминирующих акторов» в той мере, в какой их доминирование не является полным (11). Иначе говоря, институциональное равновесие отражает сложившуюся расстановку сил. При ее изменении может возникнуть ситуация, когда для усилившегося актора издержки трансформации институтов окажутся меньше ожидаемых выгод, и он попытается поменять существующие «правила игры» (12). В истории становления межпарламентских институтов это происходило **по мере понимания того, что СНГ становится своеобразной формой удержания дистанции по отношению к России, с одной стороны, и между Россией и другими государствами СНГ, с другой**. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что из 880 договоров и соглашений заключенных в рамках организации (на конец 90-х годов), выполнялись только 130 – менее 15% (20, с. 72). То есть государства-участники идут на подписание соглашений, в рамках организации, заранее понимая, что они не будут исполняться. Таким образом, возникает вопрос относительно соотношения декларируемых целей межпарламентских организаций в сфере модельного законодательства и реальной рациональности в сфере легитимации электоральных процессов.

Для конвертации «наследия прошлого» в институциональное преимущество, позволяющее поддерживать ее доминирующее положение, необходима постоянная коррекция формальной структуры возможностей. Именно с этим связана крайняя нестабильность электорального законодательства в странах СНГ. Например в России и Кыргызстане сложилась устойчивая «традиция» принятия нового закона о выборах в преддверии каждого нового избирательного цикла (в России – 1995-1996 гг., 1999-2000 гг., 2003-2004 гг., в Кыргызстане – 1993-1995 гг., 1998-1999 гг., 2007-2008 гг.). Как отмечает российский исследователь Гельман, «периодичность «уточнения» электоральных «правил игры» неизбежно наводит на мысль, что эти «уточнения» обусловлены, в первую очередь, расстановкой политических сил и представляют одну из технологий, используемых «верховой» властью для закрепления своего доминирующего положения. В пользу такого заключения говорит тот факт, что **каждое изменение структуры возможностей сопровождается укреплением норм, ограничивающих эффективность парламента как политического института**». По классификации Й. Элклита и П. Свеннсона выборы на пространстве СНГ можно отнести к промежуточной категории, они являются свободными, но не справедливыми. Иначе говоря, при равных возможностях участия в предвыборной борьбе, условия для ведения этой борьбы у различных кандидатов и партий далеко неодинаковы (6, с. 16). Основными ограничениями при проведении избирательных компаний на постсоветском пространстве остаются следующие составляющие:

- одностороннее освещение кампании в СМИ;
- неравенство доступа к финансовым ресурсам;
- несправедливое решение избирательных споров, включая применение санкций в ходе и по итогам выборов (6, с. 16);
- применение административного ресурса.

Это положение не является результатом «наследия прошлого», а скорее продуктом институционального строительства, которое привело к «авторитарной адаптации»

института выборов (1, с. 17). Таким образом, институциональные особенности развития парламентаризма определяются как нестабильностью электоральных норм, так и соотношением формальных и неформальных правил.

Следует отметить, что на развитие адаптивного парламентаризма влияет и другая группа факторов. Основным остается мнимый конституционализм. Как показывает история государственного строительства, принятие либеральной конституции не гарантирует стабильность демократической системы. Более того, динамика конституционных реформ на пространстве СНГ свидетельствует о сужении полномочий legislatures через включение в число законодателей также глав государств. Например, если Конституция Республики Казахстан 1993 г. утверждала, что Верховный Совет Казахстана – единственный законодательный и высший представительный орган Республики, то Конституция 1995 г., чрезвычайно расширив компетенции президента, одновременно трансформировала характеристику парламента, назвав его «высшим представительным органом Республики, осуществляющим законодательные функции» (п. 1 ст. 49). Широкие президентские полномочия характерны также и для Кыргызстана, где указы президента, имеющие или изменяющие силу законов, сближают полномочия президента с законодательной ветвью власти (9). Эта особенность противоречит принципу разделения власти, который исключает всеобщность, либо соединение функций, осуществляемых разными ветвями власти.

Очередность глав конституций, посвященных органам государственной власти, также отражает роль парламента в политической системе. В основных законах России, Казахстана, Кыргызстана, Белоруссии первое место занимают главы, закрепляющие институт президентства. В Конституциях Украины и Молдовы первенство отводится парламента. Наряду с этим, содержание конституционных реформ на пространстве СНГ сближает их с характеристикой мнимого конституционализма, который является необходимой стадией политической трансформации любого традиционалистского режима. Это объясняется неизбежным разрывом между декларируемыми целями такой трансформации и реальной практикой политической борьбы. Как и многие переходные формы, такая форма конституционализма существует лишь в процессе политических изменений, и его содержание полностью зависит от направлений движения всей политической системы. Однако характерной чертой остается то, что мнимый конституционализм часто оказывается не более чем временной уступкой в ходе преобразования одной версии авторитарного правления в другую (10, с. 52). Откат назад, к авторитарной модели, становится невозможным лишь при условии достижения и постоянного воспроизводства того социального консенсуса, которого не было до введения новых конституционных норм (10, с. 51).

Наряду с данной проблемой на пути развития парламентаризма, партийная система также является составной частью факторов, определяющих институциональную устойчивость парламентаризма. В идеале, политические партии должны аккумулировать интересы различных социальных групп, представлять и отстаивать их в политической повестке. Таким образом, институционализируемая партийная система обеспечивает демократическую управляемость и легитимность государства, способствуя решению политических конфликтов через установление договорных правил и процедур. Партии, как правило, обеспечивают структуризацию политической борьбы, как в выборный, так и в межвыборный период, делая политический процесс

более доступным, эффективным и представительным. Однако и на этом уровне факторов есть значительное сходство между принципами и ценностями формирования партийной системы в странах СНГ, где в большинстве парламентов заседают представители партий власти, которые стали своеобразной универсальной технологией при формировании legislatures.

Поскольку формирование legislatures на постсоветском пространстве, как было отмечено выше, связано с сужением политического поля, с одной стороны, и соотношением между правилами институционального уровня, с другой, рассмотренные состояния парламентаризма и межпарламентского сотрудничества на основе неинституциональной теории приводит к следующим выводам. На стадии выбора институтов превалируют идеологии, тогда как интересы либо не успели оформиться, либо их влияние ограничено дефицитом информации. По мере оформления интересов, которые аккумулируются в своеобразном «запросе» политических режимов институтам, способным легитимизировать выборный процесс, Ассамблея расширяет направления своей деятельности, делая акцент на разработку стандартов оценки и мониторинга избирательного процесса, в частности, через структурную организацию МИМ РД МПА СНГ. Реагируя на проблемы учреждения либеральной модели демократии, МПА СНГ прорабатывает основные направления своей деятельности, формируя модель адаптивного парламентаризма в условиях дефектной или имитационной демократии. Проблемы, ограничивающие развитие парламентаризма в государствах-участниках Ассамблеи, не стоят в центре внимания организации. По результатам оценки выборов различного уровня в странах СНГ, отчеты групп наблюдателей от МПА СНГ, с одной стороны, и ОБСЕ, неправительственных и международных организаций, с другой стороны, полярно противоположны. Особо ярким тому примером является отчет по результатам выборов в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 2005 и 2007 гг.

Решения и направления деятельности Ассамблеи во многом сопровождают повестку Совета глав государств СНГ и характеризуются реактивной логикой. Безусловно, влияние межпарламентских институтов не стоит преувеличивать и необходимо понимать, что развитие парламентаризма в государствах-участниках МПА зависит не столько от Ассамблеи, сколько от условий и возможностей парламентаризма на национальном уровне. Однако, как показывает опыт ведущих межпарламентских объединений ПА СНГ и ПА ОБСЕ, при удержании основных принципов парламентаризма, институты, призванные его обеспечивать, могут существенно влиять на развитие ситуации, например повторные выборы в Парламент Казахстана стали возможными, во многом, под давлением ОБСЕ, председательство в которой страна займет в 2010 г. Основной ресурс межпарламентских объединений – это имидж или статус организации в сфере заявляемых организацией приоритетов. Таким образом, существующие проблемы в сфере развития парламентаризма напрямую влияют на имидж МПА СНГ, который требует значительных усилий для трансформации. Во многом МПА СНГ не задает позитивный и эффективный уровень парламентаризма, а отражает слабости формирования законодательной ветви власти, как на уровне партийного строительства (12; 5), конституционных циклов (10), так и на уровне системы сдержек и противовесов власти.

Литература

1. *Афанасьев М.* Клиентелизм и российская государственность. – М., 2000.
2. *Балакирева В. И.* Межпарламентская Ассамблея СНГ как международный институт политической консолидации. Автореф. дисс. – СПб., 2002.
3. *Бляхман Л. С. Кротов М. И.* Россия и Содружество Независимых Государств: уроки первого десятилетия. – СПб., 2001.
4. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия//Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
5. *Гаман-Голутвина О. В.* Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе. – Полис, № 2 (92) 2006.
6. *Гельман В. Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной Российской политике. – Полис, № 4 (75) 2003.
7. *Гельман В. Я.* Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе. – Полис, № 2, 2007.
8. *Искакова Г. Т.* Выборы и демократия в Кыргызстане: конституционный дизайн президентско-парламентских отношений. – Б.: Бийиктик, 2003.
9. *Укушев М. К., Бокоев Ж. А.* Президент КР. – Бишкек, 1997.
10. *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. – Полис, № 2 (92) 2006.
11. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997.
12. *Панов П. В.* Изменение электоральных институтов в России (кроссрегиональный сравнительный анализ). – Полис, № 6 (83) 2004.
13. *Ржевский В. А.* Содружество Независимых Государств: процессы и перспективы. – М., 1992.
14. *Строев Е. С.* От I Государственной думы к Федеральному Собранию России и Парламентам других государств СНГ. – Вестник Межпарламентской Ассамблеи СНГ, № 2 (13) 1996.
15. *Сеидзаде Д. Б.* Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России первого-четвертого созывов. – Вестник Межпарламентской Ассамблеи СНГ, № 2 (13) 1996.
16. *Самонова Е. А.* Исполнительная власть в постсоветских государствах (на примере России, Эстонии и Кыргызстана). – Полис, № 3 (74) 2003.
17. Конвенция о Межпарламентской Ассамблее СНГ, ст. 1, 2. – Минск, 26 мая 1995 г.
18. *Топчибашев А.* Мусульманская парламентская фракция. – Вестник Межпарламентской Ассамблеи СНГ, № 2 (13) 1996.
19. *Холодовский К. Г.* Бюрократическая Дума. – Полис, № 1(78) 2004.
20. *Хусталев М.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. – М., 2008.
21. *Фурманов Д.* От Российской Империи до распада СНГ//Материалы публичной лекции, доступно на сайте: www.polit.ru, 20 февраля.
22. Sartori G. Theory of democracy revised. Vol. I. Chatham. – NJ, 1987.
23. O'Donnell G. Polyarchies and the (Un) Rule of Law in Latin America: A Partial Conclusion. – Mendez J. E., O'Donnell G., Pinheiro P. S. (eds.) The Rule of Law and the underprivileged in Latin America. Notre Dame, IN, 1999.